

сейчасъ и все сдѣлаетъ, а случится послать, да чтобы поскорѣй, знай пропало дѣло, не дождешься!». Акумовна, обреченная — благословеніемъ умиравшаго отца, осудившаго невинную — брести съ мѣста на мѣсто — отъ горя къ горю — «коло бѣлаго свѣта катучимъ камнемъ», эта Акумовна не такъ ли отнеслась къ позорному проступку своего барина. «И срамъ и стыдъ и позоръ — стыдно было Акумовнѣ, повѣситься хотѣла: барыня вернулась, ея барыня прѣхала, а она вонъ какая ходитъ».

Та же безпросвѣтная судьба у Нюты — изъ повѣсти «Безпріютная». Безропотно подчинялась всѣмъ — переходя изъ чужой семьи въ чужую — и любя людей и привыкая къ нимъ — страдая и молясь, не отрываясь отъ своей горькой чаши — она и послѣ смерти по тѣмъ мѣстамъ обречена скитаться — безпріютная.

И всѣ эти женщины сливаются въ одинъ образъ — изъ «Звѣзды надзвѣздной» — тотъ, которому посвящены первыя и послѣднія строки этой книги.

«Въ этотъ міръ пришла — тамъ ничего не ждутъ и не чають! — и звѣздой освѣтила намъ тьму — звѣзда надзвѣздная».

Звѣзда надзвѣздная — *Stella Maris*».

Судьба русской литературы тѣсно связана съ именемъ Алексѣя Ремизова. Ремизовъ, изъ писателей начавшихъ свою работу въ началѣ нашего столѣтія, пожалуй, — одинъ, чье творчество обращено къ будущему. («Взвихренная Русь» тому порукой).

Ибо преемственность Ремизова идетъ въ основномъ, во всякомъ случаѣ са-

момъ глубококомъ, созданіи русскаго духа: Аввакумъ, Гоголь, Достоевскій, Розановъ — —

а черезъ Ремизова —

Дальше — —

Приведенное выше является лишь извлеченіемъ изъ моего доклада, прочитаннаго на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ парижскаго «Кочевья». Этимъ примѣчаніемъ я снимаю передъ читателемъ свою отвѣтственность за неполноту и «отрывочность» изложенія — а передъ писателемъ — за «умолчаніе» о цѣломъ рядѣ его книгъ («Посолонь», «Прудъ», «Часы», «Оля», «Три серпа», и весь ремизовскій театр).

Б. Сосинскій

Зеленая Лампа

Въ серединѣ апрѣля состоялся вечеръ «Зеленой Лампы», на которомъ В. С. Варшавскій прочелъ докладъ на тему: «Что съ нами будетъ?» по поводу «Атлантиды» Д. С. Мережковскаго.

Докладъ В. С. Варшавскаго:

«Въ одномъ мѣстѣ Шопенгауэръ говоритъ: «исторія имѣетъ претензію каждый разъ рассказывать объ разныхъ вещахъ, въ то время какъ съ начала до конца это повтореніе все той же драмы, только съ другими участниками и въ другихъ костюмахъ». Почти всегда, когда читаешь книги по исторіи, вспоминаешь это сомнительное разсужденіе и невольно кажется, что дѣйствительно исторіи нѣтъ, что она только «длинный сонъ, тяжелое и спутанное сновидѣніе человѣчества». Въ музеѣ Клюни есть маленькія замѣчательной старинной работы деревянныя фигурки всѣхъ французскихъ королей.

Эти фигурки, стоящіе всѣ рядомъ не во времени, а по пространственной линіи, какъ бы наглядное изображеніе той неподвижной исторіи, которой насъ учили еще въ гимназіяхъ, исторіи въ которой не происходитъ ничего по настоящему новаго.

Мнѣ кажется, что въ будущемъ историческія изслѣдованія станутъ менѣе отвлеченными и кромѣ королей и учрежденій будутъ описывать и самую исторію жизни, появляющейся въ неподвижномъ мертвомъ мірѣ необходимости и стремящейся потрясти и расплавить его равнодушную геометрическую косность. Возможно, что будущіе гимназическія учебники будутъ начинаться съ разсказа о протоплазмѣ, свободно дѣлающей движеніе чтобы схватить пищу, а на послѣдней страницѣ будетъ воспроизводиться картина Рембрандта «Эммаусъ».

Пока мы можемъ радоваться, что одна изъ первыхъ книгъ, проникнутыхъ какимъ то новымъ видѣніемъ исторіи написана русскимъ писателемъ. Въ краткомъ докладѣ трудно говорить объ «Атлантидѣ» Мережковскаго. Слишкомъ обширенъ и сложенъ идейный составъ этой книги, являющейся попыткой начертанія «ноуменальной» исторіи человечества. Я думаю, что «Атлантида», еще ждетъ настоящихъ комментаторовъ. Мнѣ лично главная схема «Атлантиды», представляется слѣдующимъ образомъ:

Изгнанная изъ рая жизнь вошла въ міръ мертвой матеріи, необходимости и косности. Въ этомъ мірѣ, несущемъ для всего живого страданія и умерщвленіе «въ потѣ лица», движется вкусившій отъ дерева познанія человѣкъ, смутно помнящій о раѣ и корчащійся

отъ жажды плодовъ древа жизни. «Вспомнимъ Гельгамешевъ Знакъ Жизни, на днѣ океана, райское Древо Жизни, Еноха, на «закатѣ всѣхъ солнць», золотые плоды Геракла, въ саду Гесперидъ-Вечерницъ, глифъ маянскихъ письменъ — человѣка, дерево, растущее изъ водъ потопа, и, наконецъ, въ изваяніи Кесаріи Филипповой, всеисцѣляющій Злакъ, прозябающій у ногъ Иисуса; вспомнимъ все это и мы прочтемъ еще одинъ исполичскій, по всему земному шару, во всѣхъ вѣкахъ-эонахъ, начертанный символъ — Древо Жизни».

Христосъ побѣждаетъ міръ и смерть. Его воскресеніе и есть реальное содержаніе исторіи, такъ какъ съ нимъ вступило и стало присутствовать въ мірѣ то, чего раньше никогда не было, что не является механическимъ результатомъ, логическимъ выводомъ изъ имѣвшихся данныхъ, а чѣмъ то дѣйствительно новымъ, несводимымъ ни къ чему, бывшему раньше — тѣлесное воскресеніе, плоды Древа Жизни. «Я емъ хлѣбъ жизни. Ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который я дамъ, есть плоть Моя, которую я отдамъ за жизнь міра». Ожиданіемъ и предчувствіемъ прихода Спасителя проникнута вся религія античнаго, дохристіанскаго человечества. «Можно сказать, что Платонъ умеръ, такъ же какъ вся языческая древность, отъ жажды и голода — жажды истинной Крови, голода истинной Плоти: плоть и кровь въ Діонисовыхъ, Озирисовыхъ, Таммузовыхъ и прочихъ таинствахъ не утоляютъ, потому что призрачны». Тѣнь креста какъ завѣтъ побѣды лежитъ на всемъ пути человечества, отъ потеряннаго рая къ древу жизни двигающагося въ равнодушной «золотой» гармоніи

вселенной, несущей живому человѣку несвободу, страданія и смерть. Это движеніе человѣчества есть постоянная борьба, напряженіе и оно полно пораженіями и катастрофами. Величайшей такой катастрофой была гибель Атлантиды. Описаніе этой гибели имѣетъ чрезвычайное значеніе для пониманія той надвинувшейся сейчасъ на человѣческую культуру угрозы «послѣдней, всевропейской Ходынки», которой не видятъ безпамятное, какъ новая Греція, современное человѣчество. Какъ въ Атлантидѣ, въ наши дни «бѣлая магія» человѣческой культуры превращается въ магію черную. Общество и техническая цивилизація, два главныхъ орудія, созданныхъ человѣкомъ для борьбы за свободу и жизнь, съ внезапностью, съ какою молоко скисаетъ въ грозу, превращаются въ орудія истребленія свободы и жизни — коммунизмъ и войну.

Вотъ приблизительно и упрощенно, главная тема «Атлантиды», какъ я ее понялъ. Каждый, кто испытываетъ безпокойство передъ апокалипсическими знаменьями, являющимися въ наши дни, долженъ прочесть эту книгу, проникнуть независимо отъ своихъ литературныхъ достоинствъ несомнѣнно настоящимъ пророческимъ жаромъ и могущую заставить человѣка хотя бы на мгновеніе очнуться отъ того почти лунатическаго состоянія, въ которомъ обыкновенно живетъ большинство людей».

Въ преніяхъ приняли участіе: Б. Полавскій, Я. Меньшиковъ, д-ръ Прокопенко, Д. С. Мережковскій, Ю. Терапіано, К. Мочульскій, М. Цетлинъ и др.

Съверянинъ въ Парижѣ

Съверянинъ, уединившійся съ семьей въ эстонской деревнѣ и прожившій тамъ много лѣтъ, печаталъ свои стихи въ прибалтійскихъ изданіяхъ, такъ что и его самого и его поэзію успѣли основательно забыть въ Парижѣ, главнымъ по эту сторону границы городѣ современной русской поэзіи. Казалось, что появленіе здѣсь поэта будетъ лишнимъ. Его бездумное и сладкозвучное пѣніе, казалось, принадлежитъ цѣлкомъ довоенному и дореволюціонному Петербургу. Не зная новыхъ стиховъ Съверянина, можно было догадываться, что они все о томъ же и все такъ же «поютъ». Да и въ самомъ дѣлѣ Съверянинъ мало измѣнился. Правда, онъ не поетъ больше своихъ стиховъ (иногда объ этомъ жалѣешь), а читаетъ ихъ. Правда онъ написалъ цѣлый рядъ стиховъ о Россіи. Но эти строки, хотя въ нихъ упоминается о катастрофахъ, о большевизмѣ и другихъ современныхъ темахъ, — написаны въ сущности такъ же, какъ въ свое время — стихи противъ Германіи. Между военной лирикой Съверянина и теперешней «на эмигрантскія темы» — разницы нѣтъ. И то и другое мало украшаетъ его поэзію.

Не очень измѣнился авторъ «Громомъ кипящаго кубка» и въ лучшей части своего таланта. Правда, вмѣсто «ананасовъ въ шампанскомъ» онъ воспѣваетъ сейчасъ сельскую природу и рыбную ловлю, вмѣсто забавъ и соблазновъ свѣта воспѣваетъ семейную жизнь и свою жену. Но появленіе Съверянина въ Парижѣ оказалось нужнымъ именно потому, что въ сущности онъ нисколько не измѣнился, то есть не утратилъ своего